

— Что? Наш сын задержан за хулиганство? Не может быть, ведь он у нас настоящий агнец!

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

КРОКОДИЛ

№ 17 (1811) **июнь 1966**

год издания сорок пятый

РЕВИЗОР - ХОЗЯЙКА МЕДНОЙ ГОРЫ

Дверь тихо отворилась. В кабинет вошла женщина. На ней было длинное платье цвета малахита и ожерелье из уральских самоцветов.

«Почему без доклада?» — недовольно подумал директор Михайловского железорудного комбината Н. А. Никитин, а вслух сказал:

— Я занят, гражданка.

Однако незнакомку это ничуть не смутило.

— А я к вам тоже не от безделья.

— Толкачом приехали или как? — строго спросил директор.

— Не угадал, родимый. Я Медной горы Хозяйка.

— Хозяйка чего? — удивился тов. Никитин.

— Медной горы. Неужто не слышал?

«Хозяйка Медной горы, — подумал директор. — Медная гора, наверно, санаторий или дом отдыха. А она, значит, сестра-хозяйка... И ее, значит, на общественных началах прислали в качестве ревизора... Теперь все ясно...»

— Так. Ну, что ж. Деваться некуда. Добро пожаловать. Что вы хотели?

— А поглядеть, как дела у вас идут здесь, на Курской магнитной аномалии. Профиль-то у нас сходный: что медь, что железо — все одно металл. И охота мне узнать, как тут с металлом обращаются: в дело он идет или зря его переводят. Так будь такой добрый, покажи мне свое хозяйство.

«Видно, хитрая тетка, хоть и простушку играет, фольклором выражается. Чего захотела: территорию комбината осмотреть! На это дня не хватит. Ну, ладно, и мы не лыком шиты, вывернемся».

— Вот что, дорогая гостьюшка. Как это мероприятие повернуть, прямо не знаю. Ведь на комбинате для прогулок ландшафт неподходящий. Лужи. Грязь. А у вас наряд — хоть сейчас на эстраду. Подол замараеете, жалко. Придется в химчистку отдавать. Лучше мы здесь с вами побеседуем.

Гостья тяжело вздохнула:

— Тебе виднее, родимый, ты тут хозяин. А только и я не без снасти сюда явилась.

Откуда-то из складок своего платья она вынула серебряный блестящий диск в малахитовой оправе.

— Вот зеркальце нам покажет всю, как ты говоришь, территорию. А ты будешь объяснять, что к чему.

— Интересная у вас техника, — оживился директор. — Что-то вроде портативной телевизионной микроустановки.

— Да уж, — неопределенно сказала Медной горы Хозяйка, — вещь голая... Ну, гляди... — И она перевернула зеркальце. Директор заглянул в него и удивился:

— Эге! А ведь верно! Это наш склад. Электрораспределительные шкафы разбросаны. Механизмы такие, подробно объяснять долго, да и не поймете вы. А вон машина лежит, видите? Это деталь отваломобразователя. Другие детали в других местах лежат. Только стрелу вот продали... Нету теперь стрелы.

— Деталь из железа? — грустно спросила гостья.

— Металлическая, — подтвердил директор. — Что вас смущает? То, что все это лежит под открытым небом? Ну, мадам, ведь эти меха-

низмы предназначены для работы, а не для подарков ко дню рождения. Не в целлофан же их заворачивать...

Хозяйка Медной горы снова повернула зеркальце.

— Ага, — воскликнул директор, — смотрите! Это тракторные прицепы!

— И все-то разные! — заметила хозяйка.

— Ну... это вам так кажется. Они одинаковые, только на них навалены части других механизмов. Обратите внимание, под прицепами и по бокам — все электромоторы наставлены.

— А я ведь грамоте обучена, — застенчиво призналась женщина. — На машинах-то на этих таблички, а на табличках написано, что они сработаны в 1960—1961 годах. Неужто с тех пор так и валяются?

— Некоторые даже дольше. Только, знаете ли, мы тут ни при чем. Все это принадлежит отделу капитального строительства, а он на самостоятельном балансе. Конечно, излишки оборудования солидные, спору нет. Но и причины на это тоже имеются солидные.

А Хозяйка Медной горы, уже совсем опечаленная, снова повернула зеркальце.

— Глянь-ка, милый человек, — поднесла она серебряную пластинку к глазам директора, — что это за куча разного хлама свалена?

— Как это «хламья»? — обиделся директор. — Это машина для мойки автомобилей. Правда, она нам не понадобилась, и мы ее продали, да покупатель попался капризный — обратно вернул: мол, в ней половины деталей нет. Вот мы и сложили то, что осталось.

— Ах, батюшка, плохо-то как! — со слезами в голосе сказала гостья. — Ведь машины у тебя пропадают без толку. А где-то их днем с огнем ищут...

— Ну вот, дамские штучки, — недовольно сказал директор. — Надоело, знаете. Если бы одна вы, а то... Вот недавно народный контроль проверял склад. У вас, говорят, неустановленного оборудования скопилось примерно на два с половиной миллиона рублей. А вовсе не нужно — на 640 тысяч... Обрадовали, нечего сказать.

— Значит, так получается, — невесело усмехнулась Хозяйка, — сначала здесь руду добывают. Потом из нее железо работают, а из железа — машины. Привозят эти машины тебе, а ты их — на склад. И уж тут они свой век коротают, и ржа их ест. И стоят они над той самой рудой, из которой рождены... Плохо хозяйствуешь, братец.

— Ну, ну, — обиделся директор. — Критиковать можете своего Данилу-мастера. Вспомнил я теперь, откуда вы взялись. Из сказа Бажова «Малахитовая шкатулка». Так вот, дамочка, если каждый сказочный персонаж мне будет нотации читать, что же получится? С меня и настоящих ревизоров хватит... А чтобы кончить нашу беседу, скажу вам: для нас один закон — план добычи руды. Остальное приложится. Так что, милая, забирайте свое зеркало, отмечу я вам командировку — и будьте здоровы, катйте обратно в свою Медную гору.

Он сердито отвернулся к окну.

— Ох, смотри, не пробросайся народным добром! — донеслось до него, как журчание горного ключа. — Не нажить бы беды!

— Что? Угрожать? — Директор повернулся. Но в кабинете никого не было. Лишь дверь распахнута настежь. Видимо, ее раскрыло порывом ветра.

— Фу, чертовщина какая! — облегченно сказал директор. — Видно, голову мне напекло солнцем в выходной. Вот и примерещилось...

И, усевшись за стол, он приступил к работе. Первым делом подписал очередную заявку. На новую партию оборудования.

Эр. ЭДЕЛЬ,
специальный корреспондент
Кронодила

Курская область.

А Р Г О ОПУПЕЯ

в четырех частях
с эпилогом

Перед первой рюмкой

— Стол превосходный! Изобилие снеди!

Салат, икорка... Блюдо с балыком! Но вы учтите, милые соседи, Что я не пью! Совсем! Сухой закон! Не наливайте! Что там! Рюмка рома! Тогда уж разве за хозяйку дома...

Перед четвертой

— Я отдал дань икре и пирогу, Отведал я и поросенка с кашей. Не наливайте, нет! Я не могу! Но если всех зовут к заздравной чаше, И за кого! За Прова Кузьмича! Тогда и мне придется сообщать!

Перед восьмой

— Я говорил, но между нами всеми Вдруг некто предо мной возник... ик... ик... И говорит мои слова... в то время... Как языкается... мой заплетки!.. Все это не смешно... А очень грустно... Позвольте выпить!.. До чего невкусно...

После двенадцатой

— Я говорю!.. А за моей спиной Хихикают лоснящиеся рты... Выходит, что вы все не что иное, Как омерзительнейшие скоты!.. За исключением... нескольких мерзавцев!.. Куда меня ведете вы!.. Оставьте!..

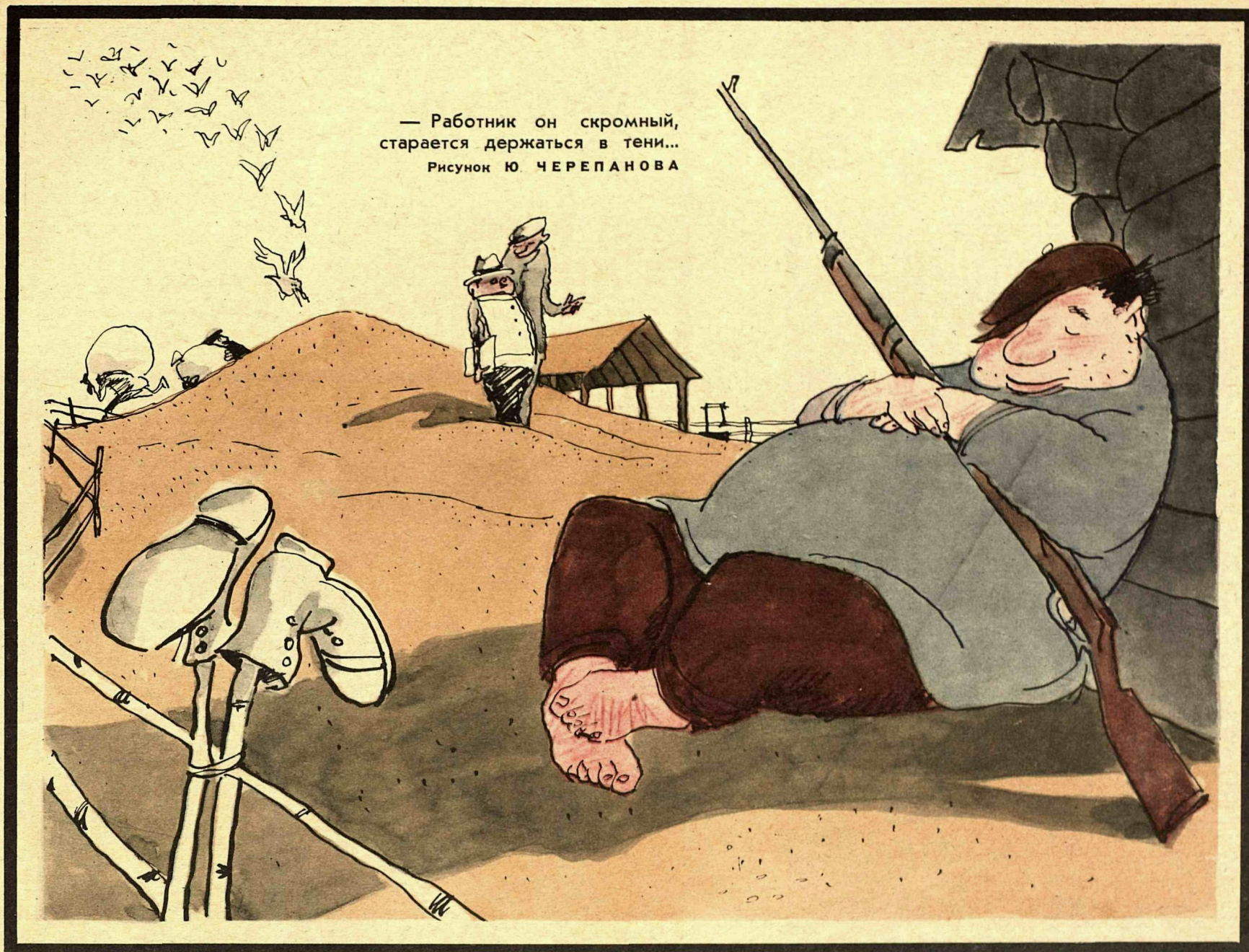

Эпилог

Вот «опупея» на двенадцать глав! Она разворачивается стремглав, В порядке смены мимолетных шуток,

И заключается сама собой Прискорбно-заключительной главой — На добрые пятнадцать суток!

— Работник он скромный,
старается держаться в тени...
Рисунок Ю ЧЕРЕПАНОВА

УЖАСНАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ

Среди студентов политехнического института города Комсомольска-на-Амуре процветало бы ужасное воровство.

Среди сотрудников оно тоже процветало бы.

И институт растащили бы весь — от антенн до фундамента.

Если бы не догадливость начальника отдела снабжения Суслова. Серьезно поразмыслив, он распорядился ничего никому не давать, если просят не покажет бумаги с автографами заведующего кафедрой, проректора по хозяйственной части, заместителя главного бухгалтера, заведующего складом и самого Суслова.

Тут-то все расхитители и отпрянули в страхе — очень уж нешуточные препоны. Судите сами: захочешь, скажем, унести клочок наждачной бумаги, а тут тебя один из подписывающих и цап-царап. Не разоблачит один, разоблачит пятый. Ну, а если собрал все подписи, значит, ты пока еще честный человек. Вот, например, мы твердо знаем, что сотрудник Жилкин не жулик. У нас документ есть. Когда Жилкин захотел получить на 6 [шесть] копеек этой самой наждачной бумаги и собирал подписи, никто не смог уличить его в темных махинациях.

ВИДЫ В БОК!

— Вот, — сказал ему кладовщик, отрезая бумагу. — Семь раз отмерь, один раз отрежь!

Е. М.

НЕ ОЦЕНИЛИ

В цехах Волгоградского завода бурового оборудования стоял неумолчный шум. Поэтому понятно, что в перерыв рабочие дружно уходили в заводские садики и там с удовольствием слушали тихое щебетание птиц и шелест листьев.

— Так не пойдет! — решительно сказали в заводском комитете. — Отдых трудящихся нельзя пускать на самотек. Он должен быть организованным и культурным.

И на столбах заводского двора были водружены мощные репродукторы. Полюлись звуки, от которых содрогал-

ся воздух и лопались барабанные перепонки.

Результат получился неожиданный для завкома. Рабочие в перерывы перестали уходить из цехов.

В завкоме недоумение:

— В чем дело? Проведена радиодиффузия в соответствии с планом. Отдых направлен в культурное русло. На смену неорганизованному пению птичек пришли выступления худколлективов. Слышимость прекрасная. Нет, капризный у нас народ! Ничем ему не угодишь!

Б. САВЕЛЬЕВ

СЕРВИС

Очень удобную книжечку выпустили у нас в Омске. Так она и называется: «Справочник пассажира». Из нее, помимо разных полезных сведе-

ний, я узнал, что такси можно заказать в любое время суток, что выполнение заказа гарантируется. Словом, сервис!

И я даже обрадовался, когда мне пришлось прибегнуть к услугам этого справочника. Я, видите ли, собрался ехать на поезде, а поезд уходил ночью. Вот я и решил воспользоваться сервисом и подкатить к поезду на такси.

Прихожу на диспетчерский пункт. Диспетчер действительно тут же принимает заказ. Мало того: он записывает мой адрес. И даже, представьте, спрашивает, как ко мне лучше проехать. Это для того, чтобы водитель не плутал по улицам и не жег зря государственный бензин. Вижу: обслуживание — лучше не надо!

Диспетчер взял у меня рубль за заказ и говорит:

— Вы все-таки подождите машину на улице, а то водитель может не найти квартиру.

— Да у нас всего одна квартира, — отвечаю.

— Ничего не значит.

Ночью выхожу встречать машину. А мороз, надо сказать, градусов тридцать. И я, конечно, пляшу на морозе камаринского. Пляшу час, другой — нету машины.

Наконец, вижу по часам, что поезд мой как раз в эту минуту дает прощальный свисток, и волею-неволею заканчиваю самодеятельность.

Пропал бы рубль за заказ — так бог с ним! А то ведь пропал и билет на поезд. А он как-никак стоил 14 рублей 60 копеек.

Вот я и думаю: до чего ж зловерный справочник выпустили! Сам стоит 15 копеек, а сколько из-за него убытку...

А. СЫСОВЕВ

г. Омск.

ОТЦЫ и ДЕТИ

Вот солдаты бундесвера.
Поглядите, до чего же
В этих касках и мундирах
На отцов они похожи!

На отцов, что в сорок первом
К нам шагнули на рассвете,
На убийц, на оккупантов —
На отцов похожи дети.

Та же чванная осанка,
Та же прусская надменность,
И холодная жестокость,
И воззрений неизменность.

А чего же изменяться
Реваншистским их воззрениям,
Коль на них из Вашингтона
Смотрят с явным одобреньем!

Если им готовят в Бонне
Повара все то же блюдо,—
Изменилась лишь приправа,
Изменилась лишь посуда...

Потому-то, несомненно,
Этим новеньким мундирам
Захотелось, как и прежде,
Покуражиться над миром!

Что ж, тогда стальным их каскам,
Как и в прошлый
«Дранг нах остен»,
На крестах висеть придется
По бесчисленным погостам!

ТЕЛЕГРАФНОЕ
АГЕНТСТВО
КРОКОДИЛА

сообщает из
ФРГ

ЧЕСТЬ ТАКАЯ ДОРОГАЯ...

МЮНХЕН. Бывшие эсэсовцы очень любят праздновать свои юбилеи, «памятные даты» и т. п. Очередное собрание было назначено ими в недоброй славы мюнхенской пивной «Бюргерграунеллер», где Гитлер начал свой «пивной путч». Однако баварские борцы за мир и бывшие узники Дахау не позволили эсэсовцам собраться в этом «историческом» подвальчике. Сподвижники фюрера все же не остались без крова. Они направились в другую пивную — «Францисканец», владелец которой встретил господ гитлеровских офицеров с распростертыми объятиями. «Сочту за честь», — сказал кабатчик. Если бы только один этот кабатчик!..

Боннским политикам мерещится, что стоит им заполучить атомную бомбу, как рухнут пограничные знаки и они смогут осуществить свое заветное желание — перекроить карту Европы, взять реванш за поражение во второй мировой войне.

НА «СТОЛБОВОЙ ДОРОГЕ» РЕВАНША.

Рисунок Ю. ГАНФА

БРЕД НА ПОХОРОНАХ

ЛЮДВИГСБУРГ. На пышные похороны эсэсовского генерала, вменного преступника Зеппа Дитриха, собралось около семи тысяч головорезов — в прошлом сподвижников покойного. Один из эсэсовцев с чувством покаялся: «Ты не дожил, дорогой Зепп, но мы обещаем тебе, как обещали нашему дорогому фюреру, что мы еще дойдем до Урала».

Бывает, конечно, что на похоронах друзья и близкие покойного от горя теряют голову — в переносном, конечно, смысле. Но этим недобиткам, кажется, не терпится потерять голову натуральным образом.

РАЗБОЙНИЧИЙ СВИСТ

БЕРХТЕСГАДЕН. Фрау Мильде занимает скромную должность учительницы истории в селе неподалеку от Берхтесгадена. Однако скромный педагог весьма оригинально транслирует исторические факты. Нападение гитлеровских орд на Советский Союз в ее изложении называется «великим походом фюрера на Восток для расширения нашего тысячелетнего рейха».

Берхтесгаден, по мнению фрау Евы Мильде, «должен стать Меккой для поклонения, ибо там жил человек, создавший Великую Германию, в которую вошла вся Европа и значительная часть России». Недавно фрау Мильде праздновала свое пятидесятилетие. Юбилейша произнесла пламенную речь, в которой призывала учеников «стать борцами за восстановление страны в прежних ее славных границах». Короче, фрау Мильде хочет уподобиться тому сказочному флейтисту, который, насвистывая на волшебной флейте, увел за собой из города всех детей. Куда? Туда же, куда зовет их фрау Мильде, — в пропасть.

ПРУССКИЙ СУВЕНИР

БОНН. В столице ФРГ появилась частная ювелирная мастерская, специализирующаяся на «пруссских сувенирах». Дух пруссачества и реваншизма оказался ходимым товаром в руках ловкого дельца, из-под полы продающего «только рекомендованным ему покупателям» брошки, кольца, брелоки, браслеты из серебра и простого металла, на которых высечен профиль Фридриха Великого и три «памятные» даты: «1740—1940—19...».

Первая дата символизирует эпоху фридриховских завоеваний, вторая — гитлеровских. Что же касается загадочной цифры «19...», то владелец мастерской доверительно шепчет на ухо «солидным» покупателям: «А эту дату вы придете к нам выигрывать, когда мы отодвинем границу с Одера-Нейссе на Восток». Покупателей находится немало.

Между тем любезный продавец «пруссских сувениров» очень правильно поступил бы, если бы украсил свои побрякушки самой памятной датой — 9 мая 1945 года...

ЗАЛОГ УСПЕХА

КУЛЬМБАХ. Ганс Шоберт, бывший эсэсовец, до сих пор хранящий у себя в доме портрет «обожяемого фюрера», украшенный траурным черным крепом, часто выступает на слетах реваншистов. Недавно он решил, что сейчас обстановка в ФРГ в высшей степени благоприятствует его политической карьере. Заручившись поддержкой влиятельных и богатых единомышленников, он выдвинул свою кандидатуру от христианско-демократического союза в баварский ландтаг, выборы в который состоятся в ноябре этого года.

Правда, Ганс Шоберт несколько опасается соперничества молодого кандидата от неонацистской «Национал-демократической партии», но он решительно заявил корреспондентам: «Я надеюсь, что перевес будет за мной — настоящим эсэсовцем, имевшим партийный билет со свастикой. Куда этому юнцу со мной тягаться!»

А ведь и вправду у герра Шоберта есть шансы. По боннским стандартам партийный билет со свастикой — отличный трамплин для политической карьеры.

(Справка для
грядущего сатирика)

КОГДА ФЕЛЬДМАРШАЛЫ ПРДСЧИТЫВАЮТСЯ

Фельдмаршала мучил фурункул. Совсем не кстати появившись на выбритом затылке, он неудобно расположился рядом с жестким воротником, на котором еще недавно блистало золотое шитье. Однако привычка делала свое дело. Неестественно выпрямившись и стараясь не поводить головой, Вильгельм Кейтель с выражением необычайного подобострастия смотрел на полковников Алексея Ивановича Поташева, Александра Михайловича Смыслова и Наума Соломоновича Фрумкина, которые сидели перед ним.

Небольшая комната, в которой происходили описываемые события, ничем не напоминала тюремную камеру, хотя в принципе и должна была представлять собой таковую. Временная тюрьма, устроенная американскими властями для главных немецких военных преступников в городке Бад-Мондорф, располагалась в комфортабельном отеле постройки конца прошлого века. А начальник тюрьмы полковник Эндрьюс не очень старался придать гостинице традиционный тюремный вид. Комната была довольно просторна. Июньское солнце заливало ее светом, — а если учесть, что это было солнце 1945 года, то оно казалось нам особенно ярким.

У двери сидел американский сержант, которому по долгу службы надо было контролировать ход допроса. Однако, судя по безразличному выражению его лица, он не понимал ни немецкого языка, на котором отвечали допрашиваемые, ни русского, которым пользовались допрашивавшие. Допрос шел спокойно, и автор сих строк успевал почти стенографически вести протокол.

Заискивающее глядя в глаза советским полковникам, генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил «великой германской империи», изображал на лице величайшее усилие вспомнить все в наилучшем виде. Но фельдмаршал был расстроен. Он чувствовал, что ему не верили. Например, ему не верили, когда он заявил, что всегда выступал против нападения на Советский Союз. Ему не верили, когда он говорил, что понятия не имел о массовых расправах в концентрационных лагерях. Ему не верили, когда он говорил, что не имеет никаких отношений к варварскому уничтожению сотен тысяч военнопленных. А самое главное, ему не верили, когда он почти на каждый вопрос отвечал: «К сожалению, не помню». Или: «Мне об этом очень трудно вспомнить».

Но как у каждой медали есть своя обратная сторона, у Кейтеля был свой Йодль. Генерал-полковник Альфред Йодль, начальник штаба оперативного руководства, вел себя на допросе поинтому. Если Кейтель щеголял своей забывчивостью, то Йодль, наоборот, демонстрировал свою незаурядную память. Цифры и названия так и сыпались из уст генерал-полковника. Йодль не разводил сантиментов и не пытался уверить нас в том, что был противником Гитлера. Наоборот, он откровенно признавался, что считал своего фюрера гением. Но вот когда зашла речь о нападении на Советский Союз, из груди генерал-полковника исторгся тяжелый вздох. Он в сердцах сказал:

— Война против России имеет одну особенность: известно, как ее начать, но неизвестно, как ее кончить...

Действительно, в июне 1941 года в генеральном штабе гитлеровской Германии прекрасно знали, как начать войну. Были самым тщательным образом разработаны планы: план «Барбаросса» (военный план разгрома Советских Вооруженных Сил), «Зеленая папка» (план экономического порабощения Советского Союза), генеральный план «Ост» (план истребления славянства). И, разумеется, были назначены точные сроки.

31 августа 1940 года в беседе с главнокомандующим сухопутных войск генерал-фельдмаршалом Браухичем Гитлер отвел на проведение всей операции «Барбаросса» 5 месяцев. Когда же генеральный штаб принялся за разработку операции, то решил, что управится максимум за 17 недель. Подумав малость, генералы уточнили: не за 17, а за 10 недель.

Но на этом дело не кончилось. Как в азартной игре, участники которой один за другим называют все более крупные ставки, так в гитлеровском генеральном штабе называли все более и более короткие сроки. Министр иностранных дел Италии Чиано записал в своем дневнике, что Гитлер обещал ему покончить с Красной Армией за 8 недель. Когда же Гитлер беседовал с фельдмаршалом фон Боком, то уверил, что сделает это за 6 недель. Всех переплюнул Йодль: 3 недели на разгром Красной Армии! Да, тот самый Йодль, который в июне 1945 года сидел перед нами и сокрушенно говорил, что не знал, как кончить войну, в июне 1941 года был уверен: Советский Союз будет разгромлен за 3 недели.

Наверно, в этой чехарде цифр можно будет увидеть нечто комическое. Но в 1941 году в них была заключена трагедия миллионов людей, которые стали жертвой расчетов Гитлера и его фельдмаршалов. Понадобилось почти четыре года для того, чтобы эти расчеты оказались перевернутыми. Это было сделано ценой колоссальных усилий, ценой жизни 20 миллионов советских людей.

Но к грядущему сатирику у меня будет еще одна просьба: не забывать, что в подлунном мире до сих пор не перестали составлять расчеты, подобные расчетам 1941 года.

Например, на что рассчитывали американские стратеги, когда начинали свою «эскалацию» во Вьетнаме? В Пентагоне были уверены, что бравым солдатам удастся быстро промаршировать по нескольким шоссе Южного Вьетнама, а летчикам, сбросив пару бомб, ничего не будет стоить усмирить непокорных жителей. Назывались сроки: несколько недель или в крайнем случае несколько месяцев...

Если же перенестись из далекой Азии в более близкую нам Европу, то и здесь у генерал-полковника Йодля и фельдмаршала Кейтеля есть свои преемники. На живописных берегах Рейна сегодня строят планы, в которых называются сроки ревизии европейских границ.

...В светлом и просторном зале одной из фракций боннского бундестага (зал ничем не напоминал комнату в Бад-Мондорфе!) я однажды беседовал с видным деятелем христианско-демократического союза бароном Карлом Теодором фон Гуттенбергом. Для него вообще не было вопросом, возможно ли восстановить немецкие границы 1937 года, — он в это свято верил.

Я решил осведомиться: что же, по мнению г-на барона, должны сделать жители западных земель Польской Народной Республики или Калининградской области РСФСР? У барона был готов ответ:

— Что же, они тогда смогут принять немецкое подданство, если захотят. Мы в этом препятствовать им не будем...

Самое забавное (и самое опасное) заключалось в том, что Гуттенберг не шутил.

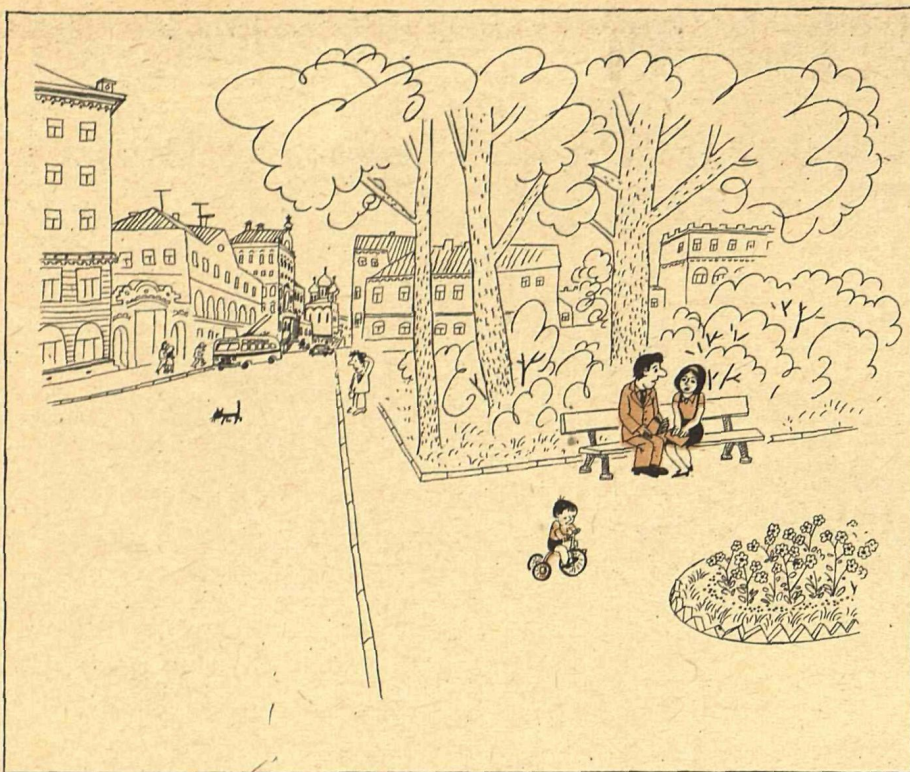
В некотором смысле боннские мечтатели даже превосходили своих предшественников: в имперской канцелярии полагали, что для достижения целей надо разгромить СССР. В Бонне придумали более надежный рецепт: как уверял некогда Конрад Аденауэр, стоит ФРГ создать мощную армию, как Советский Союз «сам отдаст» ей границы 1937 года. Об этом твердил мне и сителный барон:

— Да, да, Советский Союз должен сам пойти на это...

...Я слушал его, но видел перед собой не зал бундестага, а комнату в Бад-Мондорфе. За спиной фон Гуттенберга как бы невидимо возникали другие облики: педантичный Йодль и фельдмаршал с фурункулом на шее. Они тоже на многое надеялись...

Товарищи сатирики грядущих эпох! Занесите это в свои реестры. В свое время вы сможете над этим посмеяться. А нам пока нужно заняться менее приятным делом: постараться, чтобы планам рейнских политиков была уготована такая же судьба, как и планам их коричневых предшественников. Нам пока не до шуток.

Справку составил капитан запаса
Л. БЕЗЫМЕНСКИЙ.

— Как жаль, что мы не поехали за город!

— Как жаль, что мы поехали за город!

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА

А как отдыхаете вы, дорогой читатель! И не только в воскресенье, а, скажем, после работы! В клубе, в парке, на стадионе, на пляже, в туристском походе!..

БОЛЬШИМ И МАЛЫМ ПРОБЛЕМАМ НАШЕГО ОТДЫХА И ДОСУГА БУДЕТ ПОСВЯЩЕН СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР «КРОКОДИЛА».

...Счастливая, невозвратимая пора детства!..

Автор должен сразу же признаться: задолго до него эту фразу написал Лев Николаевич Толстой. Но она справедлива и по сей день.

Еще бы! В какую пору жизни родители будут проявлять к вам столько бескорыстной, самоотверженной любви, столько ласки и заботы, как в годы вашего невинного детства?

И не одни родители.

Помимо них, есть большой отряд благородных людей, у которых естественная любовь к детям сочетается с их профессиональным долгом. Это работники детских учреждений.

Зимой они терпеливо разъясняют малышам, что в лесу родилась елочка, в лесу она росла... Летом, прогуливая своих питомцев по лужайке, внушают им, что нехорошо обижать кузнечиков: их детки будут плакать...

Круглый год они сеют разумное, доброе, вечное в детских сердцах. И ничего не боятся. Кроме стихийных бедствий.

А к стихийным бедствиям относятся:

ураганы,
наводнения,
родительские дни.

Тут автор позволит себе рассказать историю, разыгравшуюся на его глазах в одном из живописных уголков Подмосковья.

Был, как говорится в художественной прозе, прекрасный летний день. Солнце, как ему и положено, бросало яркие лучи на поляну, где белым ковром рассыпались ромашки, на зеленые кроны деревьев и на длинный забор, вытянувшийся против лесной опушки.

Забор был такой внушительный, что, казалось, за ним в личном, выстроенном на нетрудовые доходы особняке живет сам Кашей бессмертный. На самом деле никакого Кашея там не было. За забором разместились в уютных домиках с верандами детский сад. Веселый ребячий гомон, шумливая суета по ту сторону забора свидетельствовали о том, что у ребятшек отличное настроение и они беззаботно играют, прыгают, бегают, как нельзя лучше используя воскресный день. Впрочем, и в другие дни они делали то же самое.

Бегали не только ребята за забором. По эту сторону бегали родители, вернее, представители женской родительской половины. Мужчины, считая ниже своего достоинства мельтешить у забора, скромно стояли в стороне с пудовыми авоськами.

Мама, бабушки, тетушки бегали не из спортивных побуждений.

Свертки, пакеты, кульки, заполнявшие авоськи, нуждались в доставке адресатам. А для этой цели нужна была солидная щель, куда можно было бы протолкнуть припасенные гостинцы.

Больше всех суетились полная дама в белом пальто и сухонькая, необычайно подвижная старушка, обе с пакетами в руках. Вначале они остановились рядом и вели наблюдение, обмениваясь опытом, накопленным за время частых посещений.

— Когда о прошлом годе они в Малаховке жили, так там через калитку очень даже было удобно передачу совать, — сказала сокрушенно старушка. — А тут беда, намаешься...

— Но зато здесь участок гораздо лучше, — заметила мама-дама.

— А там чем не участок? — возразила бабушка. — И тебе деревья, и тебе цветы. По крайности не бегаешь вокруг забора, а что надо враз передаешь ребенку.

— Да, конечно, хочется как-то порадовать детей. Вот я привезла сейчас конфеток и халвы. Моя Ирушка очень халву любит.

— Баловство это все. И вред один. Мы нашей Танюшке конфет ни-ни. И думать не смей! Потому от конфет зубы портятся и золотуха бывает. А я вот вчера воблы достала. Два килограмма. Вяленая. Что ж, думаю, обязательно надо Танюшке свезти. Тоже ведь какая у них еда? Небось, каши да макароны. А ребенку тоже посолониться охота...

— Ну что вы, как это можно... Воблу, да еще летом! Ведь это для детского желудка просто яд.

— А что желудок? Желудок, он свое дело знает. А я вот ей три рыбки привезла, так на целую неделю хватит. Отведает, и аппетит получает...

— Ах, нашла! — радостно крикнула Ирошкина мать и прильнула к забору чуть подальше. Танюшкина бабушка тут же присоединилась к ней. Через широкое отверстие им видна была площадка, где играли дети.

— Вот она, дочурка... Через скакалочку прыгает под березой...

С ПОСЛЕДСТВИЯМИ

— А наша-то в мяч играет...
 — Мальчик, мальчик! — громким шепотом закричала мама, увидев подбежавшего к забору молодого человека лет пяти в роскошной бумажной шапке с автоматом в руках. Он был как раз в этот момент занят преследованием очень важного шпиона, который укрылся в кустах.
 — Мальчик! Мальчик! — перебивая друг друга, зазывали его посетительницы. — Поди сюда, миленький!..
 Красный разведчик прекратил на миг преследование и подбежал к забору. Он с некоторым удивлением смотрел на два носа и четыре глаза, уместившиеся в щели забора.
 — Мальчик, возьми, миленький, вот этот пакетик и передай вон той девочке, которая прыгает через скакалочку...
 — А этот мешочек бумажный отдай, сынок, вон той, Танюшке нашей, что в мяч играет. Тихонько отдай, чтоб не увидел никто. Понял?
 Мальчик утвердительно кивнул, взял свертки и помчался выполнять новое боевое задание. Тем временем мяч у Танечки укатился и попал в зону, где резвилась Ирочка. Это было очень удобно для

посланца доброй воли, так как он мог выполнить свою миссию сразу же.
 Дальнейшие события развернулись неожиданно.
 — Что он делает? — закричала уже не шепотом мама-дама. — Он все перепутал. Он Ирочке сунул эту ужасную воблу... Не этой, не этой! Мальчик!..
 — Не той! Не той даешь! — вопила старушка. — Танюшка! Не смей конфеты есть! Брось отраву эту!..
 — Ирочка! Ирочка! Девочка моя, сейчас же отдай этот пакет! Не прикасайся к нему! Ирочка! Ты слышишь, что мамочка говорит? Слышишь?..
 Но повернуть колесо событий в обратную сторону было уже не в их власти. Танюшка уплетала конфеты и отковырнула кусочек халвы, чтобы испытать, каков вкус этих лакомств, если их есть одновременно. Ирочка развернула пакет и, держа рыбину за хвост, размахивала ею, как неожиданным трофеем. Танюшка давала ей какие-то руководящие указания, и они начали колотить воблу о ствол березы, что могло привести к ужасному продолжению: рыбу станут есть.
 — Это возмутительно! — кричала Ирочкина мама. — Носите детям что попало, а теперь мой ребенок...

— Замолчите лучше! — перебивала ее Танечкина бабушка. — Из-за ваших конфет, может, у нас девочка заболит...
 — Летом!.. Вобла!.. Ведь это же микробы!..
 — А от конфет круглый год микробы!..
 * * *

Автору фельетона жаловалась однажды милая женщина, заведующая детским садом. Из ее слов можно было понять, что любвеобильные родители за один воскресный день (к счастью, в другие дни они работают) умудряются любыми путями передавать детям несметное количество разной снеди. После их посещений впору проводить от ближайшей железнодорожной станции ветку и гнать в расположение детского сада цистерны со слабительным. Три дня дети мучаются животами. На четвертый становится легче. На пятый появляются симптомы полного выздоровления. На шестой, понимая, что беда миновала, руководители облегченно вздыхают:
 — Слава, медицине, пронесло!
 При чем последняя реплика имеет самое широкое толкование.
 А тут новое воскресенье.
 Уважаемые бабушки, мамышки, тетушки! Вы доверяете энтузиастам дошкольного дела умственное, нравственное и физическое воспитание ваших деток-малюток. Доверьте уж им и детские желудки. Так будет лучше. Честное слово!
 А воблу ешьте сами. И закусывайте халвой.
 Бор. ЮДИН

М Е Ж Д У Н А М И, С Е К Р Е Т А Р Ш А М И...

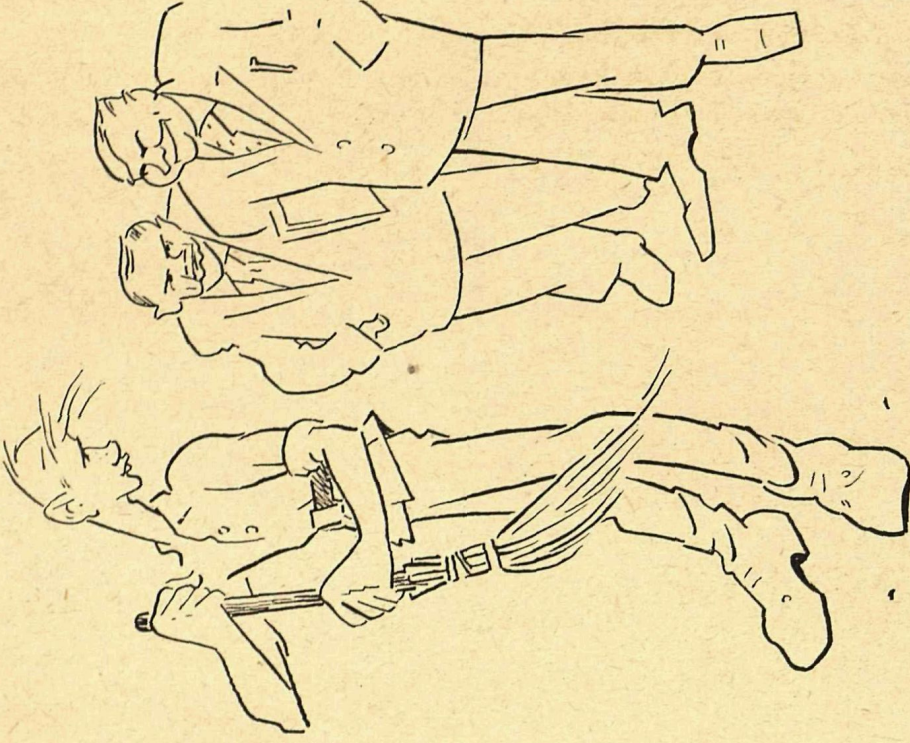
— А мой директор говорит, что я минуты не могу посидеть на месте!

Рисунок Л. СОЯФЕРТИСА

ЗЧБАДЫЖ

МЛАДШИЙ БРАТ КРОКОДИЛА

ВЫПУСКНИК ШКОЛЫ НА ЗАВОДЕ

РАДЫ ПРИВЕТСТВОВАТЬ!

На прошлом пионерском смотре наша дружина заняла не последнее место. Но и не первое. Были макулатура, металлолом и даже клуб дружбы, но чего-то явно не хватало. И это «что-то» уже который год оставило нас на втором месте.

— Ну, какие будут предложения! — спросил наш вожатый Валерий Викторович накануне очередного смотра. Члены совета дружины сидели невеселые, редколлегия пожимала плечами и разводила авторучками.

— А что, если!.. — Лицо вожатого озарилось. — Не создать ли нам выездную пионерскую приветственную бригаду, а! И вскоре настали горячие денечки. Нас пригласили приветствовать съезд железнодорожников. В форменных, путевых фуражках мы распевали веселые куплеты «Тише

едешь — дальше будешь». Через неделю на празднике «День рыбака» мы сыграли пьеску «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда». Домой мы вернулись поздно, но мамы не сердились. Для мам нет ничего приятнее, как увидеть свое чадо в передаче «На просторах океана».

Еще через пару дней на слете пионерских мы вывели неокрепшими голосами «Тили-бом, загорелся кош-кин дом».

На следующий день наши сияющие лица в не менее сияющих касках красовались на первой полосе многотиражной газеты «Днем с огнем». За сравнительно короткий срок мы поприветствовали две конференции, пять слетов и несколько митингов.

Мы завоевывали популярность. Вожатый Валерий Викторович носился по городу, договаривался, принимал приглашения. Пионерская жизнь была ключом. Нашей штаб-квартирой стал кабинет директора — чтобы телефон был под рукой. А директору

пришлось довольствоваться пионерской комнатой. Когда мы сидели в кабинете, сосредоточенно сочиняя стихотворное приветствие к слету во-проводчиков, нектати зазвонил телефон. Бросив короткое «Наверное, приглашают экскаваторщики», вожатый энергичным движением снял трубку.

— Радые приветствовать! — привычно сострел он.

Все моментально окружили Валерия Викторовича. Вожатый жестом попросил ручку и стал что-то записывать в календаре директора.

Постепенно лицо его вытягивалось, глаза округлились от ужаса, ручка выпала из пальцев и покатила под стол. Мы заглянули в календарь и прочли:

«К понедельнику представить в ро-но сводку успеваемости...»

ЖЕНА БЕЛЬЧЕНКО,
ВОЛОДЯ ЗАНАН,
УЧЕНИКИ 8-ГО КЛАССА.

г. Москва.

НА ДЕРЕВНЕ РАСССТАВЛЯЮТ

Клуб Бобровского отделения совхоза «Родионово» строили два пенсионера-энтузиаста. Один клал печи, другой набивал дра-ку для штукатурных работ. Неподалеку дымилась «козьими ножками» и забивала козла сельская молодежь. Удары костяшек о фанеру заглушали одинокий стук молотка на стройке, но хлопцы не забывали о тру-дящихся пенсионерах. По-могли им полезными со-ветами и подбадривали здо-ровой шуткой:

— Старина, не бери столько кирпича, надор-вешься...

— Дядя! Третий не ну-жен?

Борису Ситкину и его партнеру не везло. Они бы-ли без пяти минут козлы.

— Я решил уехать, — за-явил Борис. — Пустышек полно. Пять-писто. Сегодня в город податься. Сегодня вечером.

— Что ты там собираешь-ся делать? Ведь в городе комбайнеры не нужны. Гар-монистов тоже хватает.

каждый день смотреть. За три года соскучился.

— Скоро наш клуб от-кроется.

— Жди! Директор совхо-за отказался строить. А пенсионеры протанут еще три года.

— Во всем пожарные виноваты. Смотрят на очаги культуры со своей коло-кольни. А что вы скажете, если я поставлю пять-шесть?

— Придется зарубить кому-то шестероногого. Я не пойму, при чем тут пожар-ные?

местить в нем еще и конто-ру. А пожарные против. Это, говорят, противоречит противопожарной безопас-ности. Нельзя, чтобы в од-ном доме были клуб и кон-тора. Директор и охладел.

— Один-три.

— Три-два. Ноги со скуки протянешь, — пожаловался Борис.

— В библиотеку запи-шись.

— Бе-е! Козлы!

— Еще сгоняем?

— Хватит. Надоело.

— Корову проиграешь, что ли?

— Пора собираться. Весть об отъезде Бориса Ситкина стремительно об-летела село. Сцена расста-вания была трогательной. Земляки цепко держали комбайнера за полы пиджа-ка.

— Отпустите! — вырывал-ся пареня.

— Завянем без тебя, — причитали друзья, прижи-мая к груди заветное доми-но.

хали исполнительницы ча-стушек.

— А где выступать? Под грозовой тучкой?

Односельчане развели руками. Воспользовавшись замешательством, Борис подхватил гармошку и при-нялся месить сапогами су-глинистую грязь. Земляки долго провожали затума-ненными глазами крепко-сбитую фигуру комбайне-ра, который двинулся в сто-рону Ярославля.

Репортаж с сельской околицы

— Как наш Петров за год вырос!

— Что ж, теперь можно ему и метлу по росту подобрать...

Рисунок А. КРЫЛОВА

В. КАНАЕВ,
специальный
корреспондент Зубастика.
Ярославская область.

— Да это Николай Васильевич Гоголь! — удивился Витя Моголев, ученик 402-й школы, разглядев в очереди перед собой старомодного мужичку.

— Совершенно верно. Но откуда ты меня знаешь?

— Ну как же, вы ведь, граждане, великий русский писатель и бдительный колаевский России?

— Да? А я, признаюсь, и не знал.

— Нет, это я точно знаю, можете поверить. Мы ведь вас сейчас в школе проходим. Поэтому и узнал. А встретить я вас через неделю — уже забыл бы, мог и не узнать.

— И как же это вы меня проходите?

— Ну как, сперва биографию вашу учили. Это ведь самое главное. Честно говоря, вы ее странички на две поменьше сделать? Ведь воля ваша — что хотите, то и следуйте. А нам учи. Но зато она у вас без периодов.

— Без каких периодов?

— Ну, как у Пушкина: петербургский там период, период южной ссылки. Это чтобы по дате написания стихотворения определить, где был автор в этот момент. Вы родились 20 марта 1809 года, а умерли 21 февраля...

— Вот ты биографию учил мою и вообще всех писателей, — перебил Гоголь. — А что мы были за люди, ты знаешь?

— Какие люди?

— Ну, вот какая разница между мной и, скажем, Пушкиным?

— А-а, это ясно. Пушкин, он великий русский писатель, а вы великий русский писатель-содельный инженер-механик и прозаик в России.

— И вся разница? Так-так... А неужели все-таки меня до сих пор читают? — взволнованно спросил Гоголь.

— Не все, конечно. Некоторые так наловчились литературные произведения проходить, что могут и не читать. А зачем? И так

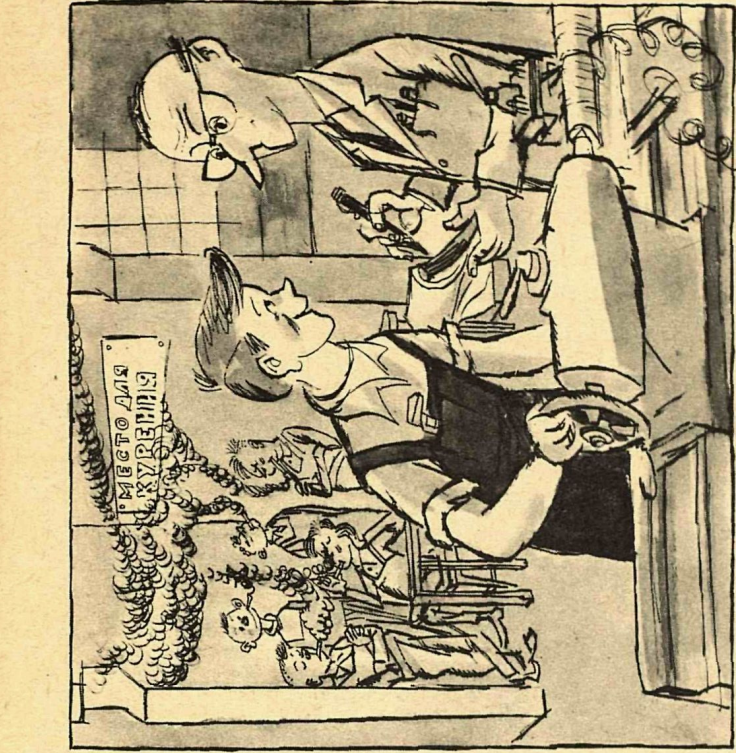
хорошо проходим. Учебник или литературную критику малость подчитаешь — образ и готов, чего еще надо! Мы в классе договорились, что каждые четыре человека по главе из «Мертвых душ» читают, а потом всем содержание рассказывают. А там уж нам прямо сказали, что мертвые души — это самые помещики и есть с их бедными интересами. Правильно? А то я когда сам читал по жребию четвертую главу, Ноздрев мне даже немного понравился: такой темпераментный человек, с ним не соскучишься. А оказалось, что он все отрицательный и мертвая душа. И все на место стало...

Гоголь принял вагидол. А потом учил отрывок «Экзотрициатройка», — продолжал Витя Моголев.

— А почему же вы именно этот отрывок учили?

— Как почему? Потому что за-дали.

— А я уж решил: потому, что он вам понравился, — грустно усмехнулся Гоголь.

— Как вы добились перевыполнения плана?

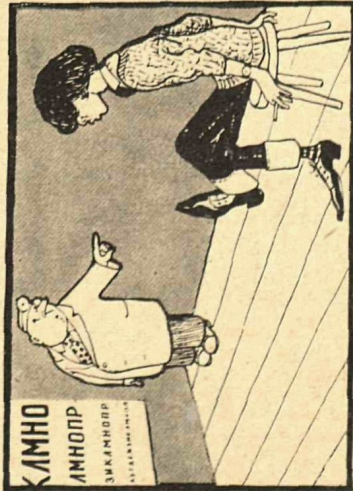
— А я некурящий.

Рисунок Б. САВКОВА

Зубастик ПОМОГ

ПОЧЕМУ БУЗЯТ?

О неполадках в Черноморском детском доме рассказывалось в фельетоне «Почему бузят?» («Зубастик» № 2/14). Как сообщил редакция заместитель председателя исполкома Павлодарского областного Совета депутатов трудящихся тов. Постников, факты подтвердились. Директор детского дома тов. Ашитов «действительно слабо руководил подколлектив-

— Молодой человек, да вам надо не к окулисту, а к парикмахеру.

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

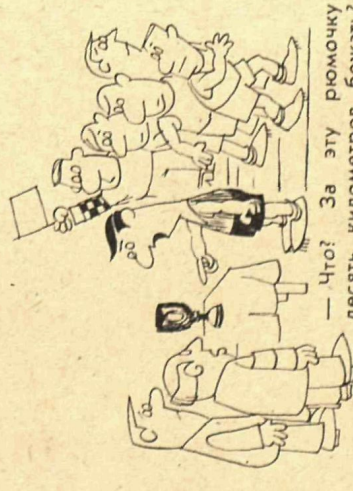

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Вроде песенки

Ну, скажите, разве можно просто так в дороге мокнуть? И возиться с рюкзаками, тяжкими, как будто камни? Вы бы оставались дома! Там спокойно, там удобно, там для вас — без происшествий — «Клубы кинопутешествий»... Воду пьете вы из речек. Для чего себя калечить? Книжки вы не читали разве? Тут — экземь, заразы, инфузории и кроме — сплошным — одни микробы!..

А туристы рожки корчат, а они в ответ хохочут! Весело мелькают струйки: «Моя нога — моешь руки!..» Разве это интересно — копошиться в дебрях леса? Пересчитывая зори, шлепать, натирать мозоли? Град под вечер, дождь под утро. Тупо и неостроумно. Непонятные капризы... А туристы, а туристы (Сколько их? Куда их гонят?) — вот они опять уходят. И летит по всей округе: «Моя нога — моешь руки!..»

МИМОХОДОМ

Это был славоохотливый юноша.

Точный возраст — двадцать лет и пятнадцать суток.

Когда на экзамене не знаешь, что писать, пиши — пропало.

Молодого конференсье старили остроты.

Производственную практику проходили только теоретически.

С. МАРКОВ

Не успев еще вылупиться из яйца, цыпленок проскучнул в трещинку рукописи: «Моя жизнь в скорлупе».

И. НОРИНСКИЙ

Лекция о рациональном использовании времени не состоялась: лектор опоздал.

Гр. ГОРОДЕЦКИЙ

Мяч прошел мимо ворот, задев лишь нервы болельщиков.

Е. СЕМИЖОНОВ

Прощаясь с работниками загса, обычно говорил: «До развода».

Сперва он пропил свои лучшие часы, а потом и лучшие годы.

А. ЛИГОВ

В детстве просился на руки, а когда вырос, — на поруки.

М. ВАХИТ

СТУДЕНТЫ СМЕНЮТСЯ

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

Студента вызвали в Дирекцию: ушел он с середины лекции.

(А будь дирекция на лекции, ушла сначала бы дирекция.)

А. СИВИЦКИЙ

Чего не понял на лекции, узнаешь на экзамене.

— Почему вы мне ставите двойку? Разве я сделал много ошибок?

— Только одну: сунули шпаргалку мимо кармана.

(«Пропеллер», газета Московского ордена Ленина авиационного института имени Серго Орджоникидзе.)

Профессор: — Экзамен — это как театр: вы актер, я зритель.

Студент: — Отлично! Сейчас позову суфлера!

(Из газеты «Индустриальные кадры» Уральского политехнического института имени С. М. Кирова.)

И СМЕХ И СЛЕЗЫ

Я не стану утверждать, что милицейские протоколы отражают самые светлые стороны нашей действительности. Но заглядывать в них стоит и людям, не имеющим прямого отношения к охране общественного порядка. Стоит хотя бы для того, чтобы удивиться и задуматься.

Пусть некоторые эпизоды из моей «коллекции» послужат иллюстрациями для лекций о вреде алкоголизма и других живучих пережитков.

Имена «героев» мне называть не хочется: а вдруг им сейчас и вспоминать о водке противно?

— П-прыгну!
— С-слабо!

Он прыгнул... в вольер к белым медведям.

Старый, мудрый медведь не удостоил его вниманием. Зато молодая медведица несколько раз приложила к нему лапу.

Спасли его пожарные, и он отделался переломом девяти ребер.

Он часто попадал в вытрезвитель, но считал себя полезным человеком. В одном из объяснений он написал: «На моем примере наглядно видно, как губительно действует алкоголь».

Ночью он пролез в щель над трехметровыми воротами, по водосточной трубе поднялся на второй этаж, взял пишущую машинку, вазочку для цветов, настольные часы, циркуль, авторучку, карманное зеркало, кусок радиопровода и пришел домой.

Утром, протрезвея, он никак не мог вспомнить, откуда у него все эти вещи. Сгреб все и отнес на квартиру к участковому уполномоченному.

За год в птицеводстве ястреб заклевал и утащил 2319 кур и петухов. Оплакивая погибшее поголовье, двое рабочих совхоза беспробудно пили. Когда их арестовали, ястреб стал облетать совхоз стороной.

г. Ленинград.

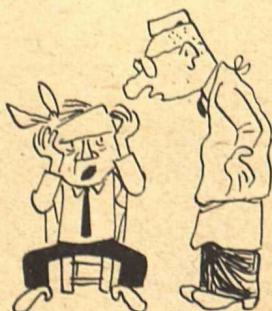
КООПЕРАТИВНАЯ НЕСУШКА или ОМЛЕТ ПО-ГОЛОВОТЯПСКИ

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

ВНЕПЛАНОВАЯ БОЛЬ

Мих. РАСКАТОВ

В селе, а может быть, в столице —
Неважно,
Но твердит молва,
Что у больного Н. в больнице
Вдруг заболела голова.

Факт, так сказать, как на ладони,
Лечения невелик объем:
0,25 Pyramidoni
Больному на один прием.

...Врач поднял брови удивленно,
Когда узнал внезапно он,
Что больше нет пирамидона,
Что съеден весь пирамидон,

Что в первом полугодии съеден,
А будет только во втором,
И хоть горздрав отнюдь не беден,
Но с бухгалтерией знаком.

Что надо подождать с леченьем,
Поскольку кончился лимит,
Что у больного, к сожаленью,
Сверх плана голова болит.

И тут попутно врач услышал,
Судьбу нелегкую кляня,
Что по ангинам план завышен
На две десятых койко-дня...

И по гастритам, между прочим,
Потерян целый койко-день.
И этот факт, прискорбный очень,
Бросает на больницу тень.

Был врач своих коллег моложе,
Он слушал, дрожь уняв едва,
И у него сверх плана тоже
Вдруг заболела голова.

И он подумал, негодую:
«Предвидеть боль — волшебный дар!
А может, где-то существуют
Слова «сверхплановый пожар»?

И в этом случае печальном
Идут пожарные в кино,
Поскольку план ежеквартальный
Был ими выполнен давно?

А их пожарные машины
Стоят, краснея, в гараже,
Поскольку свой лимит бензина
Они проездили уже?..»

Нет, как бы ни стараться яро,
А вывод прост, и в нем вся соль:
Нельзя планировать пожары,
Гастрит и головную боль!

ШКУРНОЕ ДЕЛО

Окончание. Начало см. в № 16.

ЧИЖИК-ПЫЖИК

Как член профсоюза и руководитель предприятия, директор базы проводил в коллективе воспитательную работу. Часто он выступал перед кожсырьевщиками с беседой на свою излюбленную тему: «Крепкая семья — ячейка нового общества».

Однажды после такой беседы в кабинет как бы ненароком заглянул носатый — Баран.

— Вам, Александр Семенович, бог дал все, — завел он разговор, — и красоту, и ум, и тугой карман. Любая женщина почтет за счастье с вами познакомиться. Не понимаю, почему вы закрываете глаза на этот упрямый факт.

Сапунов вздохнул и плотоядно облизнулся.

Баран все понял. Он подогнал машину и повез директора развлекаться. На Дерибасовской Баран остановил автомобиль у галантерейного киоска и указал на продавщицу.

— Ну, как мордашка?

У Сапунова заблестели глазки.

— Сейчас эта Маша будет наша, — самодовольно сказал Баран и решительно распахнул дверцу автомобиля. По-военному чеканя шаг, он приблизился к киоску и сухо представился:

— ОБХСС. Капитан Баран. Закройте киоск и следуйте за мной!

Перепуганную продавщицу весельчаки привезли прямо в ресторан. Баран усадил даму поближе к директору и, поманив официанта, потребовал:

— Шампанского!

Не особенно разборчивой в знакомствах Ане-те Б. такой динамичный метод ухаживания пришелся по душе.

За первой командой последовала вторая:

— Официант, шампанского!

На столе рядом с бифштексом появились Ане-тины туфли. Баран наполнил импровизированные сосуды благородным напитком, собутельники чокнулись.

...Вскоре Сапунов обрел новых поклонниц. Перед Александром Семеновичем возникла серьезная проблема: какой отдать предпочтение? Одна читает стихи, зато у другой стройные ноги. Третья натуральная блондинка, зато четвертая хорошо готовит закуску.

В конце концов он решил развлекаться со всеми по очереди.

Подружек новоиспеченный покровитель тоже устраивал.

— Староват, — рассуждали девицы, — но зато сармачный дядька.

Литературно-закусочный салон обосновался в квартире швейцара ресторана «Волна» Брагарчука. Директор кожсырьевой базы веселился, как багдадский халиф. Он восседал посреди комнаты на большой подушке и прихлопывал в ладоши. Ане-та читала стихи:

Опрокинутая кружка
Средь веселых не для нас.
Понимай, моя подружка,
На земле живут лишь раз!

— Вот за что я тебя люблю, Ане-та! — вытирая кулаком слезы, всхлипывал халиф. — За Сережку! За Есенина!

— Чижик ты мой! — умилилась Ане-та. — Пыжик!

Сапунов поворачивался к стоявшему наготове с кувшином великому визиру Барану и, подставляя эмалированную кружку, хрипел:

— Налей!

Очередная кружка приводила его в игривое настроение.

— Баран, а Баран! — хихикал халиф. — Как твоя фамилия?

— Баран.

— А почему твоя жена — Баранова, сестра — Барановская, а брат — Баранавичус? Кто из вас придумал себе фамилию?

На этот вопрос Барану не хотелось отвечать, так же, как и проливать свет на то, почему у него четыре имени: Сема, Леня, Лазарь и Панас.

— Внимание! — увликая от ответа, объявлял великий визирь. — Продолжаем танцы! Кавалеры приглашают дам!

Баран устраивал Сапунова не только как весе-

а. голуб ,

б. данелия

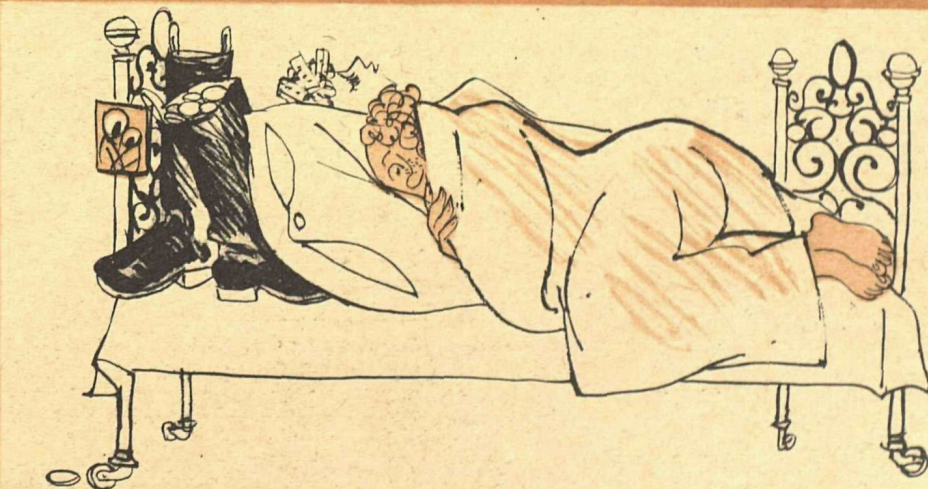
ЧИЖИК-ПЫЖИК

ВАС ВЫЗЫВАЕТ ХАРЬКОВ

ХРУСТАЛЬНЫЙ ЗВОН

БОЖИЙ ОДУВАНЧИК

ЧЕЛОВЕК С ПЕРЕХОДЯЩИМ
ЗНАМЕНЕМ

лый собутыльник, но и как верный оруженосец. Окопавшийся в Одессе сельский агент-заготовитель всегда держал наготове карман, в котором лежала квитанционная книжка и подотчетная сумка, предназначенная для закупок кожсырья.

Домой Сапунов возвращался за полночь. Жене рассказывал, что его чествовали боевые друзья-однополчане. В доказательство глава семьи всякий раз вынимал из пузатого портфеля дорогую хрустальную вазу.

— Вот, понимаешь, преподнесли...

Судя по количеству ваз, которые заполнили сервант, кухонный шкаф и все пространство под тахтой, директора повзводно и поротно чествовала по меньшей мере целая дивизия.

На базе Сапунов проводил всего два часа. С девяти до десяти подписывал бумаги, с десяти до одиннадцати принимал деньги.

— Ровно пятьсот рублей! — выкладывал на стол пачку кредиток злополучный Аксенюк.

— Следующий!

— Пятьсот пятьдесят! — рапортовал завскладом из Тарутина.

— Следующий!..

Как-то, явившись на работу, Сапунов застал в своем кабинете всех трех основоположников шкурного дела. Тут же в уголке скромно сидел главбух.

— Что это за сборище? — строго спросил директор.

— Давайте разберемся, — сказал директору Соколов. — Мы организовали дело, а вы передали его каким-то самоучкам во главе с этим начальным Бараном.

— Прошу мне не указывать и выйти вон! — отрезал Сапунов.

— В таком случае, — потрясая пачкой документов, ехидно воскликнул Косой, — может быть, вы желаете, чтобы я передал эти бумаги в ОБХСС?

Косой держал в руках бестоварные накладные и фиктивные акты с подписями директора. Сапунов сразу обмяк.

Через полчаса директор базы дал вахтеру новое указание:

— Все мои предыдущие распоряжения отменяются! Шлагбаум поднять!

Служака-сторож взял на караул.

ВАС ВЫЗЫВАЕТ ХАРЬКОВ

Инцидент с директором заставил компаньонов быть более осмотрительными. Они лишний раз убедились в том, что чужая душа — потемки. В данном случае это относилось к Сапунову, но вообще — к каждому из них. Соколов не имел никаких гарантий, что его не надует Пальковский. Пальковский же не мог ручаться, что его не обманит Косой. Косой, в свою очередь, не питал иллюзий в отношении того и другого.

У разделочных столов они по-прежнему работали в одной упряжке. Но когда дело касалось денег, каждый тянул в свою сторону. Тайком друг от друга они выходили на большую дорогу и там, на дальних подступах к базе, опустошали сумки сельских заготовителей.

Пальковский сидел в засаде на автобусной станции. Он приходил сюда одновременно с шоферами утренней смены. В ожидании первого автобуса начальник цеха толкался в кондукторской и раньше всех выбегал навстречу пассажирам.

Соколов принимал свою клиентуру на вокзале, сидя за столиком в пристанционном буфете.

Но находчивее всех оказался Косой. С синей повязкой дружинника ветеринарной службы на рукаве он выходил на главную автомагистраль и подвергал личному досмотру карманы следовавших в город заготовителей.

На базу все трое возвращались в одно время, с довольными лицами, но разными дорогами. Сапунов с тревогой отмечал, что ни один из них не испытывает желания отдать должное директору. Тревогу своего патрона разделял его верный оруженосец Баран. Потеряв терпение, Баран взял однажды две копейки и направился к ближайшему телефону-автомату.

Через несколько минут на базе зазвонил телефон. Косого вызывал Харьков.

— Это вы? — загудел в трубке анонимный бас. — Косой?

— Да, это я! А кто со мной говорит?

— Не имеет значения, — отрезал аноним. — Просто я хочу вас предупредить, что если вы не прекратите наглые выходы, то это плохо для вас кончится.

— Позвольте, кто со мной говорит? — занервничал Косой.

— Нет, вы не думайте, что никто ничего не видит.

— Ах, это Баран! — узнал Косой. — Берите на арапа свою бабушку. Когда приедете из Харькова, заходите, поговорим.

— Нет уж, давайте поговорим сейчас! — потребовал Баран.

— Но вы же в Харькове!

— Я здесь, за углом, в автоматной будке.

Едва Косой вышел за ворота, как попал в лапы Барана.

— Ты хочешь жить, а другие не хотят?

Припугнув как следует Косого, Баран взялся за Соколова.

— Семья есть?

— Есть.

— Дети есть?

— Есть.

— Ну так делим дело пополам?

— Не могу.

— А ты хочешь, чтобы твои дети остались без папы?

На базе разгорелся кулачный бой. Конкуренты целились друг другу под ложечку, наносили удары сзади, пытались схватить один другого за горло. В самый разгар свалки в Одессу прибыл из Киева начальник главка Укрглавлгсбытсырья Е. Д. Гурин. Руководящее ядро базы вышло навстречу начальству с синяками и царапинами, но в отутюженных халатах.

Начальник главка подозрительно оглядел деформированные физиономии своих подчиненных и нахмурился.

— Что это с ними?

— Производственные травмы! — нашелся Сапунов.

Гурин повел глазами в сторону своего помощника.

— Запишите: прислать плакаты по технике безопасности.

В цехе руководитель главка велел вытащить из общей кучи какую-нибудь шкуру. Под руки попала кожа, обработанная по методу акционеров.

— Что за зверь?

— Корова.

— О двух ногах и без хвоста?!

— В семье не без урода.

Сапунов про себя отметил, что начальство настроено благодушно. С апломбом руководителя, живущего только интересами производства, он обрисовал трудовые успехи базы.

— Почин, Ефим Данилович, полностью себя оправдал, — завел Сапунов любимую песенку, — вес теперь не учитываем, размер не фиксируем, сорт не указываем. Имеем экономию на зарплате.

Пальковский тоже не упустил возможность перебраться с начальством парой фраз. Уставившись на Гурина преданными глазами, начальник цеха сообщил, что он тоже живет интересами предприятия. Теперь сельским кооператорам не приходится терять время на поиски приемщиков сырья. Он, Пальковский, и его помощники сами выходят навстречу заготовителям...

Начальник главка покинул кожсырьевую базу в хорошем настроении. База выполняла план. Накопленный ею опыт заслуживал внимания. Прощаясь, Гуриной тепло пожимал руку каждому. Последней в шеренге провожающих неизвестно каким образом оказалась мастер Коблик. Когда Ефим Данилович протянул ей руку, она вложила в его ладонь письмо на десяти страницах.

В своем послании начальнику главка мастер Коблик пролила свет на тайную деятельность Сапунова и обосновавшегося при нем мозгового центра. Она указывала, что окружающие директора базы люди направляют усилия отнюдь не на то, чтобы снабжать промышленность сырьем, а набивают свои собственные карманы. Она просила тщательно проверить работу базы.

Сообщение Коблик покорило начальника главка. В свое время Е. Д. Гуриной немало потрудились, чтобы заключить вверенную ему систему в нарядную рамку. Аппарат главка даже разработал специальные методы, с помощью которых создавалась картина всеобщего благополучия.

Допустим, намечались нелады с планом. Одна база план выполняет, остальные нет. Тогда передавая база посылала в главк победный рапорт, а уже переработанное сырье — другой базе. Та включала полученные шкуры в свой план, рапортовала главку, а спасительный груз перегоняла дальше...

К годовому отчету шкуры успевали совершить путешествие по замкнутому кругу. И главк выглядел, как новогодняя елочка, украшенная бу-

бенчиками звонких рапортов и трескучими хлопками высоких показателей.

И вот, пожалуйста, какая-то Коблик пытается испортить всю картину.

Ответ на свое письмо она получила уже из Киева.

«Коллектив Одесской кожсырьевой базы и его руководство, — писал начальник главка, — несмотря на тяжелые условия работы из-за недостаточной территории, складов, неплохо справляются с возложенными на них обязанностями, и результаты их работы не подтверждают ваших определений, что это «кучка людей, которым дороги другие интересы».

Поскольку ваше заявление о злоупотреблениях голословно и не подтверждено никакими фактами, Укрглавлгсбытсырье расценивает его как клевету, отвлекающую руководство базы, парторганизацию, местком и др. от плодотворной работы».

Кого начальник главка имел в виду под шифром «др», Коблик представлялось догадываться самой.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ЗВОН

Между тем Сапунов и его окружение давно привлекали внимание работников одесской милиции. Анализируя документы кожсырьевой базы, они то и дело узнавали о чудесах.

Разобраться в них было нелегко. Требовалось участие квалифицированных специалистов. Одесская милиция обратилась в киевский главк с просьбой командировать на базу опытного ревизора.

Заготовители переполошились. До сих пор деньги делали их жизнь легкой и приятной. Но теперь компаньоны готовы были бежать от притягательных бумажек.

Белый, как стенка, с холодной испариной на лбу, Косой бегал по ювелирным магазинам и, заикаясь, приценивался к дорогим камням и нержавеющей металлу. Соколов метался по курортной Аркадии, выбирая особняк. Он думал оформить его на имя своей бабушки. Пальковский срочно подыскивал антикварные ценности, чтобы вложить в них свое состояние. В случае чего их всегда можно было выдать за имущество, полученное по наследству.

В самом затруднительном положении из всех обладателей кредиток оказался предприимчивый зять отца Михаила. Он юлил, как кот, который стянул кусок сала и не может его уничтожить за один присест. До сих пор Аксенюк преспокойно держал свои деньги под периной, в расшитом рушнике. Почуввав недоброе, он сунул их в сапоги. Ложась спать, завскладом попытался спрятать сапоги под подушку. Однако интеллигентная поповна швырнула смазанные дегтем сапоги на пол и пообещала выставить супруга за дверь. Доведенному до отчаяния главе семьи пришлось открыться своей половине. Поповна ахнула и, схватив сапоги с деньгами, закопала их под собачьей будкой. Всю ночь супруги не могли уснуть.

— Слышишь, как пес залаял? — испуганно шептал Аксенюк, толкая в бок подругу жизни. — Может, это уже за мной?..

— Да замолчи, и так тошно.

— А может, деньги кто тащит? Эва как заливается!

Через пять минут поповна толкала в бок своего благоверного.

— А ведь вправду лает. Поди посмотри, а то, может, там и сапог уж нет.

В конце концов супруги не выдержали: выкопали сверток с деньгами, положили в ведро и залили смальцем. Но и это не принесло им облегчения. Попадья была женщиной с коммерческой жилкой. Она частенько выносила на базар домашнюю продукцию и, чего доброго, могла сбить смалец вместе с припрятанными деньгами.

Пришлось открыться и попадье.

— Так что же ты молчал, душень! — панически всплеснула руками теща. — Я бы давно из них консервы сделала.

Батюшка срочно растопил печку, попадья грохнула на плиту таз для варенья. Поповна зазвене-ла стеклянными банками. Завернутые в целлофан деньги разложили по баночкам. Банки залили вареньем и закрыли крышками. Крышки закатали машинкой. Готовую продукцию отнесли в погреб.

— Ну вот, касатик, — облегченно вздохнула попадья, — пусть теперь их ищут хоть до второго пришествия.

О том, что над кожсырьевой базой собираются грозные тучи, Сапунов узнал во время очеред-

ного кутежа в обществе Анеты, Ляльки и Клавы. Халиф, как обычно, сидел на подушках.

Неожиданно в комнату ворвался взъерошенный Баран. Бесцеремонно растолкав дам, он склонился к уху Сапунова и что-то прошептал. Халиф на мгновение окаменел. Потом он схватил свой портфель и выбежал на улицу. Там Сапунов извлек очередной хрустальный «подарок» и, оглядевшись по сторонам, сунул окантованную серебром цветочницу в мусорный ящик.

Дома низложенный халиф кинулся к серванту и стал швырять на пол хрустальные сосуды. Когда сервант, кухонный шкаф и все пространство под тахтой были очищены, он схватил молоток и принялся дробить вазы на мелкие кусочки. Каждый удар был для него ударом по собственному сердцу.

На следующий день Сапунов явился на базу в стареньком, аккуратно заштопанном костюме. До позднего вечера он сидел в кабинете, изображая положительного командира производства. Пальковский и Косой, не считаясь со своим должностным положением, помогали грузчикам таскать тюки. В обеденный перерыв они достали из карманов картошку в мундире и скорбно жевали ее, посыпая крупной солью. Четвертый компаньон, Соколов, бегал по складу облпотребсоюза и, хватая за рукав сослуживцев, ныл:

— Трешки до полочки не найдется?.. А?

Как ни тщательно компаньоны подготовились к предстоящей проверке, на душе у них было неспокойно. Недобрые предчувствия усугублялись злойшей информацией, которую доброжелатели передавали из главка:

— ...начальник главка рвет и мечет!

— ...ревизия будет беспощадной!

— ...проверку поручают приглашенному со стороны незнакомому ревизору.

БОЖИЙ ОДУВАНЧИК

В Харькове, на Рыморской улице, в коммунальной квартире проживал незаметный старичок пенсионер со спокойной фамилией Зеленый. Несмотря на преклонный возраст, старичок был непоседой. Он любил странствовать. Надев черную тройку и прицепив бабочку, пенсионер вешал на руку старинный зонтик-тросточку и объявлял соседям:

— Ну, бывайте! Поеду навестить сорванцов-внуков.

На сей раз старичок отправился в Одессу. Прямо с вокзала он приехал на кожсырьевую базу и, минуя кабинет директора, прошел в бухгалтерию.

— Зеленый, ревизор из главка,— представился он.— Шкафы сейчас же опечатать, ключи от сейфа сдать мне!

Убедившись, что его распоряжения выполнены, Зеленый потребовал отдельную комнату для работы. Желая угодить строгому представителю главка, Сапунов поспешил освободить для него свой кабинет.

Смиранный жилец коммунальной квартиры небрежно перелистал пару бухгалтерских книг и предложил руководителю базы писать объяснения. В конторе установилась мертвая тишина.

Поздно вечером, когда на базе никого не осталось, ревизор встретился с глазу на глаз с главбухом.

— Ну давай почеломкаемся,— сказал Зеленый, заключая главбуха в объятия.— Помнишь акционерное общество Бомзе? Постой, не тогда ли тебя приговорили к расстрелу?

Помянув былые времена и обменявшись новостями, старички приступили к делу: стали сводить концы с концами.

Ровно месяц пенсионер Зеленый, привлеченный киевским главком для ревизии одесского предприятия, доводил до кондиции бухгалтерские документы. Сытно пообедав в ресторане гостиницы «Красная», он завалировал расхождение между имевшимся кожсырьем и отчетными данными. Где-то в паузе между рюмочкой армянского коньяка и чашечкой натурального кофе подменил недостающие коровьи шкуры овечьими. Мысль о том, что свиные шкуры можно восполнить обрезками, осенила его во время товарищеского ужина в курортной Лузановке.

В общем, посланец главка сделал все, что мог. И даже, возвратившись в Харьков, продолжал посылать в Одессу квалифицированные консультации:

«...Нахожусь под впечатлением того, что я ви-

дел и делал у вас на базе. Мне кажется, что ваша база— это бывшая моя служба, и мне очень хочется благополучия для всей базы и коллектива. Рекомендую вам проследить за тем, чтобы результаты инвентаризации были списаны по вспомогательному учету (ф. 25) в точном соответствии со сличительной ведомостью, составленной нами, дабы не допустить недоразумения в будущем».

«...Пользуясь случаем, шлю свою благодарность за теплый прием за время моего пребывания и работу у вас. Решения главка я еще не получил, полагаю, что изменения не будут после того, как мы написали протокол совещания. Во всяком случае, я лично удовлетворен исходом. По поводу помощи в устройстве, которую вы мне обещали, мы с женой с благодарностью приняли. Желательно на июль месяц, так как в июле она получает отпуск».

В своей харьковской квартире Зеленый держался по-прежнему смиренно. Тихий старенький пенсионер. Божий одуванчик.

ЧЕЛОВЕК С ПЕРЕХОДЯЩИМ ЗНАМЕНЕМ

По случаю благополучного окончания ревизии Сапунов дал банкет для узкого круга. Получившие отпущение грехов компаньоны славили ревизора.

— Этот Зеленый— светлая голова! На вид такой щупленький старикашка, а в действительности настоящий лев!

— Какой лев? Это дракон! Он меня так припер к стенке, что я чуть не испустил дух. А потом смотрю, он хочет совсем другого... Вот она, старая закалка!

— Зеленый в нашем деле светило,— шамкал главбух.— Я знал его еще в то время, когда работал в фирме старого Бомзе. Просто я не хотел вам об этом говорить.

Сапунов, который вновь почувствовал себя на коне, разошелся и решил сделать своим собутыльникам сюрприз.

— А сейчас я вас отвезу в такое место, что вы только ахнете!— объявил устроитель банкета, имея в виду отправиться всей компанией на квартиру швейцара Брагарчука.— Баран, ко мне!

Но Баран не отозвался. Великий визирь находился далеко от берегов Одессы. Ветхий харьковский старичок для него не был авторитетом. Баран уже дважды бегал от одесской милиции и теперь бежал в третий раз. Безошибочное чутье подсказывало ему, что время банкетов миновало.

В ту самую минуту, когда его звал халиф, беглец, с трудом переставляя ватные ноги, подходил к одному цхалтубскому санаторию. Здравница казалась ему наиболее безопасным убежищем.

Чутье не обмануло Барана. Не полагаясь больше на Гурина, одесская милиция с помощью партийных органов мобилизовала на проверку базы 23 ревизора. И в то время, когда Сапунов с компаньонией праздновал свой мнимый триумф, к базе приближалась колонна проверяющих.

Ревизоры установили, что деятельность обособившихся у глухой улочки коммерсантов протекала активно. В кассе базы недоставало 124 712 рублей.

Эти выводы вызвали протест в душе начальника главка Ефима Даниловича Гурина. Уж что-что, а одесскую базу начальник главка знает. В Одессу он наведывался по четыре раза в год. Предприятие выполняет план, выписывает газеты, на конторе висит транспарант. Словом, передовая база с передовым директором во главе.

Чтобы создать такое же мнение о базе у других, Ефим Данилович адресовал в Одессу крупные партии уже обработанных кож из соседних предприятий. В Одессе эти шкуры торопливо перетряхнули и включили в выполнение плана. Испытанный метод дал незамедлительный эффект. Кривая показателей устремилась еще выше.

— Вот, пожалуйста!— восторжествовал начальник главка.— На базу, понимаешь, бросают тень, а предприятию надо присуждать знамя. Вот возьму и вручу! И пусть эти ревизоры прыгают.

Ефим Данилович распалился не на шутку. Вручать переходящее знамя одесситам он поехал сам. По пути лимузин притормозил у ворот Васильковской кожсырьевой базы, которая до сих пор держала этот почетный приз. Начальник главка забежал в кабинет директора, схватил красное

полотнище и на полной скорости помчался дальше. Когда он прибыл на место торжества, все уже были в сборе.

— Прошу прощения за опоздание,— демократично извинился глава республиканской конторы, проходя в президиум.

— Самую малость опоздали, Ефим Данилович,— с досадой хлопнул по коленке служака-сторож, восседавший в президиуме как представитель масс.— Эх, на пять минут бы раньше... Только что увезли нашего Ляксандра Симеоновича.

Начальник главка огляделся и с ужасом заметил, что в президиуме многих не хватало. Гурин неуверенно встал со своего места и замер со знаменем в руках, не зная, кому его вручить. Поскольку ни директора, ни его ближайших сподвижников не было, Гурин сунул стяг соседу по столу.

Торжество было закончено. Председатель приготовился объявить собрание закрытым. Но тут в президиум передали телеграмму.

— В наш адрес поступило приветствие,— оживляясь, объявил председатель.— Разрешите огласить текст:

«Приехал в Кишинев, дальше не знаю, гуляю, целую. Баран».

Великий визирь, который уже успел перекочевать из Цхалтубо в Кишинев, извещал своего халифа, что жив, здоров и пребывает в полной безопасности.

В зале громко засмеялись. Председатель, поняв, что огласил не относящийся к делу документ, стушевался.

Окончательно испортил торжество служака-сторож.

Рассматривая привезенное Гуриным знамя, он обнаружил надпись: «Васильковская кожсырьевая база».

Оказывается, начальник главка впопыхах все перепутал. Привез не то знамя...

Гурин наклонил голову и торопливо покинул собрание.

* * *

Дело о хищениях кожевенного сырья составляет сто томов. Этого более чем достаточно, чтобы представить себе, как безнаказанно и привольно чувствовали себя жулики.

Как неумное стремление к упрощению учета и отчетности приводило к полнейшей бесконтрольности.

Как под видом сокращения управленческого аппарата открывался доступ хапугам к государственной кассе.

Как под предлогом заботы о пенсионере контроль перепоручался человеку, который помогал прятать концы в воду.

Как под лозунгом бесперебойного обеспечения промышленности сырьем одни и те же шкуры запускали по ведомственной орбите и тем самым создавали круговую панораму полного благополучия.

— Да ведь я думал, что поддерживаю новое, передовое...— бьет себя в грудь начальник главка.

Нет слов, если лозунг выдвинут самой жизнью,— это хорошо. Если почин действительно передовой,— замечательно.

Примеров благородных начинаний вокруг немало. Это примета времени. Оно зовет вперед, и каждый стремится занять свое место в общей шеренге, чтобы идти в ногу с жизнью.

Но в киевском главке, выдвигая лозунги и объявляя почин, руководствовались совершенно иными соображениями. Такой, во всяком случае, вывод подсказывают сто томов уголовного дела.

Схваченные за руку кандидаты в миллионеры теперь пытаются стать в общую колонну и прикрываются этими беззастенчивыми бойцами трудового фронта.

— ...Я обворовывал государство?— изумляется Косой.— Смешно!

— ...Вот, пожалуйста, награда,— скулит Соколов,— за честную, добросовестную службу...

— ...Ну, товарищи, я пошел,— порывается к дверям Сапунов, делая вид, что забежал в прокуратуру на минутку.— Меня ждет коллектив...

Но бывший директор базы напрасно тешит себя надеждами. Во-первых, теперь его уже никуда не пустят. Во-вторых, коллектив его не ждет. Его ждут конвоиры.

Золотой мираж рассеялся. Путешествие на палубе «А» в обществе элегантного капитана не состоится.

Три дня подряд директор находил на своем столе в очередной почте одно письмо, написанное красными чернилами:

«Уважаемый товарищ!

Считаю гражданским долгом сообщить вам, что служащий вашего предприятия Тодор Раткинич своим поведением пачкает не только свою репутацию, но и весь ваш коллектив. Он превратил свою трехкомнатную квартиру в притон для картежников и еще кое для чего. Не подписываюсь, потому что боюсь, как бы упомянутый Тодор, известный своими хулиганскими выходками, не избил меня до полусмерти».

Когда директор получил четвертое такое письмо, он вызвал к себе одного из заслуживающих полного доверия товарищей.

— Ты только посмотри, что пишут о нашем курьере Тодоре! Если все это верно, то я просто ротозей: у меня об этом Тодоре было совсем другое мнение. Конечно, близко я его никогда не знал, но он всегда казался мне тихим, спокойным, старательным работником. Проверь все это, но знаешь, этак исподволь...

Факты проверили, и через два дня директору доложили, что ничего из написанного в анонимке не подтвердилось. Не было у Тодора трехкомнатной квартиры, ютился он в одной маленькой комнатке вместе с женой, тремя детьми и матерью. О картежной игре вовсе не могло быть и речи. Тодора на его улице знают как порядочного человека, примерного семьянина, члена школьного совета и вообще как активиста.

— Да-а-а...—протянул дирек-

тор.— Впрочем, как же это я сразу поверил, что у него трехкомнатная квартира? Ведь он еще года три назад подавал мне заявление, чтобы мы помогли ему получить комнату побольше... А в общем-то я даже рад! Значит, я все-таки не ошибался в Тодоре: хороший он человек!

На этом вся история, быть может, и закончилась бы, но однажды директору пришлось издать приказ о сроках ежегодного отпуска. Под приказом, как полагается, все расписывались. И вот, когда поставил свою подпись курьер, директор сказал ему:

— А знаете, Тодор, ваш почерк напоминает мне тот, которым были написаны анонимные письма, направленные против вас.

— Знаю,—спокойно ответил Тодор.

— Как так?

— А так... Я же сам их и писал...

Директор остолбенел.

— Писали пасквиль на самого себя? Это что же у вас, мания такая?

— Зачем мания? Просто я отстаиваю свои права!..

— Таким способом?

— А каким же еще? Я не раз просил, чтобы обследовали мое положение, убедились, как я живу, но никто даже не пришел... Я, конечно, не про вас лично говорю, товарищ директор, а вообще никто не пришел. Но вот, когда я написал этот пасквиль, сразу услышал от соседей, что приходили какие-то товарищи и всех спрашивали, где да как я живу... Кстати, товарищ директор, как с моим заявлением, которое я подавал три года назад?

С сербскохорватского перевел Г. МАРКОВИЧ.

— Безобразие! Дети играют в карты, а все проходят мимо.
— Да-а! Я вчера остановился и три рубля проиграл!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

«У скотника Аксенова В. С. лошадь совхоза погибла по его вине. В настоящее время лошадь Аксеновым восстановлена за его счет, и с 1 января с. г. ее необходимо зачислить в списочный состав конефермы и включать в кормовую ведомость».

(Из акта.)

Прислала Е. АФАНАСЬЕВА.
г. Минеральные Воды.

«Гр-н Исаенко употребляет одеколон, лак, политуру и другие столярные напитки».

(Из объяснения в милиции.)

Выписал В. КОРОБОВ.
Московская область.

«Когда мы вечером уходили домой, то взяли в конторе стол, чтобы прикрыться им от дождя. Про-

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

сим извинить нас за это, а обвинение в краже тут совсем ни при чем».

(Из объяснения.)

Переписал А. ЛЕЩИНСКИЙ.
г. Москва.

«Прошу оказать воздействие на г. Зайцеву, которая нелегальным путем села на мой провод, отчего у меня замолчало радио».

(Из заявления.)

Копию сняла В. ЖДАНОВА.
г. Елец.

«Карп, заснувший в процессе реализации, продается по живой цене».

(Объявление в магазине.)

Прислал М. ЗИНКЕВИЧ.
г. Киев.

«Ваше УНР прекратило облицовку стен на объекте, ссылаясь на отрицательную температуру. До настоящего времени температура даже морозная была положительная».

(Из телефонограммы.)

Записал А. ШИРШОВ.
г. Ростов-на-Дону.

«Меховая куртка подлежит ремонту по причине носки в течение четырех лет по не зависящим от тов. Малинки А. П. причинам».

(Из акта.)

Прислал М. ЕРМОШКИН.
г. Хабаровск.

«Гр. Лобанов В. Д. нуждается в переводе на работу, не связанную с

загрязнением и мокнутием рук и ног на две недели».

(Из справки врача.)

Копию снял А. КРЕМНЕВ.
г. Ступино.

«Библиотека имеет 4 отдела: абонемент, читальный зал, передвижной отдел и сарай для угля».

(Из отчета.)

Прислали З. КРУГЛИКОВА,
К. ВЕРЕТИНА.
г. Фрунзе.

«Сколько раз я кувыркнулся, не помню, но в конце я оказался лежать вверх колесами».

(Из показания шофера.)

Доставил П. ВЕЛИКОРОДНЫЙ.
г. Волгоград.

МИНИАТЮРЫ

Ц. МЕЛАМЕД

СМЕШНО...

— Дела велели сдать, комиссия была.
— Чего же ты смеешься, пустомеля?

— Смешно!
Как может сдать дела Руководитель, снятый за безделье?!
г. Рига.

Игорь МАРТЬЯНОВ

ЛЕД

Что холоден лед,
Небольшая беда,
Привыкли мы к этому
качеству льда.
Гораздо страшнее нам
холод иной —
Когда мы столкнемся
С душой ледяной.
г. Иваново.

Анатолий ГЛАДЫШЕВ

ТОРГОВЫЙ СЛОВАРЬ

Утечка —
на палец колечко,
Усушка —
сережка в ушко,
Утриска —
модельная блузка.
г. Керчь.

Для ребятшек детсада в поселке Нефтекумск, Ставропольского края, решено было заказать автобус и автомобиль. Не настоящие, а в треть натуральной величины. Договорились с местным участком подсобных предприятий. Не прошло и четырех месяцев — игрушки были готовы. А вместе с ними был представлен и счет на 551 руб. 31 коп.

Нефтекумский райком КПСС сообщает, что факты, указанные в заметке «Это вам не игрушки» («Крокодил» № 4), соответствуют действительности. Произведен перерасчет. Переплаченная сумма возвращена детсаду. Виновые наказания.

Заметка «Про мальчика Сережу» была посвящена фотокорреспонденту газеты «Коммунист» (г. Минеральные Воды) А. А. Кривенко, который печатал на страницах газеты фотографии своего сына (см. «Крокодил» № 2).

Коллектив газеты «Коммунист» осудил поведение А. Кривенко. За нарушение журналистской этики ему объявили выговор. Бюро Минераловодского райкома КПСС строго предупредило Кривенко.

Из-под пера нарсуды С. Строганова и секретаря суда Р. Даньшиной вышел нелепый документ. Он был опубликован в «Крокодиле» (№ 8, 1966 г.) под рубрикой «Нарочно не придумаешь».

Председатель Краснокутского райнарсада Саратовской области Н. Захаров сообщил редакции:

«Нарсудья тов. Строганов С. А. и секретарь народного суда тов. Даньшина Р. С. были подвергнуты резкой критике. Они заверили, что будут более внимательно подписывать документы. Все работники народного суда признали этот позорный факт и заверяют, что таких случаев больше не будет».

Своя ноша не тянет.
Дружеский шарж Ю. УЗБЯКОВА

«ДЛЯ ТЕХ, КТО В МОРЕ»

— Эх, нам бы сушу посмотреть!

Рисунок С. СПАСКОГО

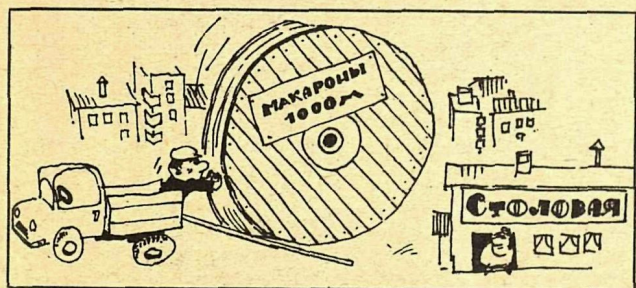
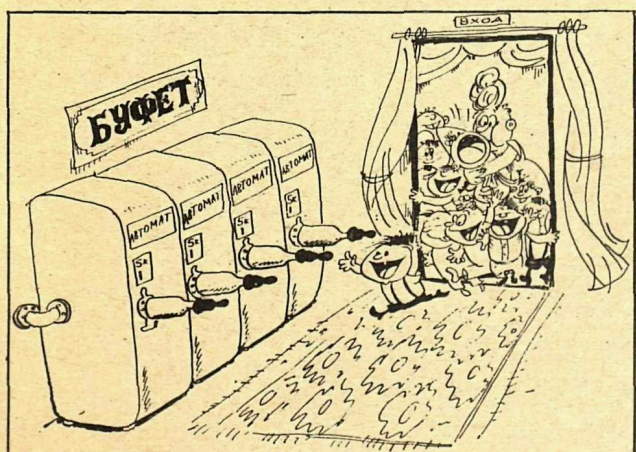

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

Детский театр.

Рисунок О. КОРНЕВА

ПРОСТО АНЕКДОТ

— Мда, температура у вас тридцать девять и девять, — сказал врач больному спортсмену.

И заперхиваясь губами спортсмен прошептал:

— А сколько мировой рекорд?

— Чудеса, да и только! — сказал парень своей партнерше. — Все танцы, которые я с вами танцую, почему-то такие короткие!

— Что я могу поделать, если дирижер оркестра — мой жених!..

— Господин доктор, у меня ломит и дергает в правой ноге...

— Э, друг мой, это уже возрастное!..

— Перестаньте, пожалуйста, шутить, доктор! Моя левая нога такого же возраста, но совершенно не болит!

На складе кинотеатра мышь, похрустывая, грызет ролик кинофильма. Вторая мышь спрашивает:

— Хороший фильм?

— В книжном варианте был лучше.

Ребенок никак не хочет уснуть. Мать говорит мужу:

— Может быть, мне спеть ему что-нибудь?

— Ну, зачем сразу так? — отвечает муж. — Попробуй с ним сначала по-хорошему.

Маленький мальчик спрашивает мать:

— Мама, каким образом вы познакомились с папой?

— Однажды я упала в воду. И уже начала тонуть, как вдруг какой-то молодой мужчина бросился в воду и спас меня. А через два месяца мы поженились.

— Ага. Теперь я понимаю, почему папа не разрешает мне учиться плавать.

В ресторане посетитель обращается к официанту:

— Скажите, пожалуйста, почему порция, которую я получил сегодня, в два раза меньше вчерашней, а цена та же самая?

— А где вы сидели вчера, мсье?

— У окна.

— Понимаете ли, сидящим у окна мы специально даем большую порцию в целях рекламы.

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Адрес редакции:
Москва, А-15,
Бумажный проезд, 14.
Тел. Д 0-10-86.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ [ответственный секретарь], Б. А. ЕГОРОВ [зам. главного редактора], Б. Е. ЕФИМОВ, В. Д. НАДЕИН, И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

А 10606.

Подписано к печати 9/VI 1966 г.

Издательство «Правда»
Формат бум. 70×108½.

2 печ. л. 2,80 усл. л.

Тираж 4 300 000 экз.

Заказ № 1647. Изд. № 787.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

18 ИЮН 1966

26 150

Некоторые направления джазовой музыки на Западе преследуют единственную цель — пробудить в слушателях первобытные, животные инстинкты.

МАКАКОФОНΙΑ

Рисунок Ф. РЕШЕТНИКОВА